

ПРОБЛЕМА КОНТАКТОВ ДРЕВНЕМОРДОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ ЦНЫ И ВЕРХНЕВОРОНЕЖСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ГРУППЫ

© 2023 г. Н. В. Сыщиков*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: radhorst@mail.ru*

Поступила в редакцию 09.12.2022 г.

После доработки 18.05.2023 г.

Принята к публикации 13.06.2023 г.

Тема контактов древней мордвы и ранних славян вновь приобрела актуальность после открытия группы памятников эпохи раннего Средневековья в верховьях р. Воронеж, связанных с днепровским культурным кругом. Цель работы — обоснование наличия контактов древней мордвы, оставившей погребальные памятники с кремациями на средней Цне (середина—вторая половина VII в.), и населения Верхневоронежской культурной группы раннего Средневековья. В соответствии с целью были сформулированы следующие задачи: рассмотреть вопрос происхождения обряда сожжения могильников среднего течения р. Цны середине—второй половине VII в.; выяснить, с какой из соседних археологических культур он имеет наибольшее сходство; проанализировать вещевой комплекс среднецнинских могильников указанного периода на факт наличия украшений днепровского культурного круга. В ходе работы был произведен сравнительный анализ обряда трупосожжения среднецнинских могильников фазы А стадии 1 (по О.В. Зеленцовой) с синхронными древностями соседних регионов, в результате чего была установлена его близость с кремациями рязано-окской культуры и отвергнуто предположение о его славянском происхождении. Но соотнесение ювелирных украшений, происходящих из некоторых наиболее ранних захоронений могильников среднего течения р. Цны, с материалами днепровского культурного круга, позволило предположить наличие контактов между обозначенными общностями и выдвинуть гипотезу о том, что Верхневоронежский регион мог являться территорией, откуда на Среднюю Цну поступали вещи днепровского облика, а также византийский импорт.

Ключевые слова: раннее Средневековье, верхневоронежская культурная группа, колочинская культура, рязано-окская культура, среднецнинские могильники, кремация.

DOI: 10.31857/S0869606323040189, EDN: IHMDC

Раннесредневековые могильники среднего течения р. Цны середины VII — середины VIII вв. или стадии А по О.В. Зеленцовой (1998. С. 11), содержащие погребения с остатками кремаций, вызывали интерес исследователей еще на заре становления отечественной археологической школы. Хронологические рамки ранней стадии функционирования среднецнинских могильников были определены по таким элементам погребального инвентаря как гривны, нагрудные бляхи, височные подвески, браслеты, сюльгамы, поясные гарнитуры и застежки с крылатой иглой (Зеленцова, 2005. С. 322–325. Рис. 2).

Количество ранних захоронений немногочисленно. К погребениям стадии А фазы I (середина—вторая половина VII в.) относятся объекты № 7–10, 50, 82, 92, 108, 121 Елизавет-Михайловского и 4 Пановского могильников. Но только погребения № 8–10 Елизавет-Михайловского могильни-

ка совершены по обряду кремации. С некоторыми оговорками, по причине недостаточно хорошей документированности раскопок, могут быть привлечены материалы погребений № 1, 6, 14, 16, 17, 25 и 27а Серповского могильника при общем количестве захоронений на памятнике 39 (Алихова, 1959. С. 117). По мнению О.В. Зеленцовой, все три перечисленных могильника возникают в середине—второй половине VII в. (2005. С. 327).

Следует добавить, что из-за проведения изысканий на этих могильниках в период, когда методика раскопок такого рода памятников только разрабатывалась, до нас не дошли сведения о размерах могильных ям перечисленных выше погребений, что существенно затрудняет работу. Например, документация раскопок могильника у с. Серпово содержит сведения только о глубине захоронений.

Наиболее полно параметры ям известны у крайне малого числа кремаций стадии А, все они

относятся к фазе II, т.е. к первой половине VIII в., и находятся на Крюково-Кужновском могильнике. Могильные ямы имеют достаточно большие размеры: длина от 1.5 до 3.5 м, ширина от 0.75 до 1.7 м, глубина от 0.2 до 1.42 м (Иванов, 1952. С. 115–136). Форма могильных ям либо продолговато-овальная, либо подпрямоугольная с округлыми углами и покатыми стенками (Там же. 115, 124, 125, 136). Доминирует северная ориентировка длинной оси могильной ямы с частым отклонением к западу (Алихова, 1959. С. 117). Встречаются богатые мужские погребения с присутствием подношений в виде элементов женского ювелирного набора (Там же. С. 132, 133).

Обряд кремации для мордовских могильников среднего течения р. Цны середины – второй половины VII в. представляет собой достаточно яркое явление, но хорошо датируемых трупосожжений на них – лишь 10, что, однако, составляет 20.4% от общего числа погребений, относящихся к указанному периоду. Сам обряд не унифицирован. Поэтому можно заметить, что отдельные погребения из-за несформированности обряда уникальны и представляют собой обособленные типы. Представленная ниже классификация, сделана с учетом характера расположения на дне могильной ямы остатков сожжения и соотношения с ними сопровождающего материала.

Тип I – покойник сожжен на стороне, тщательно выбранные из костра кости ссыпаны кучкой на дно могильной ямы, сопровождающий инвентарь положен сверху (погребение № 10 Елизавет-Михайловского).

Тип II – покойник сожжен на стороне, кости тщательно выбраны из костра и рассыпаны по дну могильной ямы, сопровождающие вещи выложены сверху в порядке ношения (погребения № 8, 9 Елизавет-Михайловского и № 16 Серповского могильника).

Тип III – покойник сожжен на стороне, кости попеременно с углями и ссыпаны двумя кучками на дно могильной ямы по линии север-юг, инвентарь уложен на скоплении пережженных костей в северной части могилы (погребения № 27а Серповского могильника).

Тип IV – покойник сожжен на стороне, кости тщательно выбраны из костра и кучкой ссыпаны на дно могильной ямы, большинство сопровождающего инвентаря расположено в северной части могилы (погребения № 1, 6, 25, 17 Серповского могильника).

Тип V – покойник сожжен на стороне, кости тщательно выбраны из костра и тремя кучками ссыпаны на дно могильной ямы, сопровождающий инвентарь выложен сверху в порядке ношения, имеются дары (погребение № 14 Серповского могильника).

На кремации среднецнинских могильников долгое время указывали, как на один из элементов, доказывающих наличие древних связей между цнинской мордвой и ранними славянами. Одним из первых об этом упомянул Ю.В. Готье, по мнению которого существование контактов подтверждается присутствием небольшого количества трупосожжений на древнемордовских погребальных памятниках VII–VIII вв. в среднем течении р. Цны (1930. С. 152).

Позднее, данная тема нашла развитие в работе А.П. Смирнова “Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья”. То, что при сожжении старались сохранить обычный порядок расположения вещей, который существовал и при ингумации, по мнению Смирнова, заставляет видеть в кремации привнесенный погребальный обряд. Артефакты западного происхождения воспринимались автором как безусловное указание на славянское происхождение обряда сожжения (Смирнов, 1952. С. 152–154).

Сторонником появления обряда сожжения под влиянием днепровской культурной традиции был также П.Н. Третьяков. По его мнению, наиболее существенным аргументом в пользу того, что обряд кремации у финно-угорских племен Западного Поволжья появился под славянским влиянием, служит количественное соотношение случаев ингумации и сожжения в разных местах и в разное время. Так, в восточных областях Западного Поволжья, где не было постоянных контактов со славянами, кремации или не встречаются вовсе, или крайне редки, чего нельзя сказать о рязанских или тамбовских могильниках, где доля сожжений в некоторых случаях доходит до 16–17% (Третьяков, 1957. С. 67, 68).

Пожалуй, последним сторонником концепции славянского происхождения кремаций у мордвы был А.В. Циркин, использовавший при аргументации практически те же доводы, что и А.П. Смирнов и П.Н. Третьяков несколькими десятилетиями ранее (Циркин, 1987. С. 28–32).

Иное мнение было высказано Р.Ф. Ворониной – появление обряда сожжения в среднецнинских могильниках было сопряжено с распространением культа огня и солнца у некоторых мордовских родовых групп. Данное изменение идеологии, по мнению автора, имело эволюционный характер и не было связано с внешним воздействием (Воронина, 1975. С. 283–285).

Другой подход к проблеме был предложен О.В. Букиной, по мнению которой, появление погребений с остатками кремаций в могильниках середины VII – середины VIII вв. среднего течения р. Цны было связано с формированием воинской культуры престижа. В пользу данного заключения свидетельствует тот факт, что на пер-

вом этапе функционирования могильников по обряду трупосожжения совершались, как правило, мужские погребения (Букина, 2000. Табл. 1). С точки зрения Букиной, данный погребальный обряд представлял собой заимствование по причине отсутствия переходных форм захоронений и фиксируется уже в готовом виде, но она не указывает исходную культурную среду данного явления (2000. С. 125).

Как было продемонстрировано выше, на протяжении длительного периода изучения вопроса о месте кремаций в погребальном обряде среднецнинской мордвы исследователи обращали внимание на то, что данный способ захоронения являлся чуждым для финно-угорской культурной среды и его истоки следует искать за ее пределами. Большинство исследователей считало его появление связанным с влиянием славянских культур. Меньше сторонников имели предположения о социальной или идеологической природе данного явления.

Из славянских культур наиболее близкой территориально и хронологически к погребальным памятникам среднецнинской мордвы является колочинская археологическая общность второй четверти V – конца VII вв. (Обломский, 2016. С. 54, 60).

В контексте рассматриваемой темы существенным является факт наличия на средней Цне поселенческого памятника Коровий Брод, имеющего прямое отношение к колочинским древностям (Андреев, Филимонова, 2008. С. 21; Обломский, 2011. С. 57; 2016. С. 16). Принципиально важно, что памятник расположен в непосредственной близости от раннесредневековых могильников цнинской мордвы, начальная стадия функционирования которых (середина–вторая половина VII в.) коррелирует со временем его существования (рис. 1).

Раннее проникновение днепровского культурного элемента на территорию Окско-Донской равнины фиксируется поселенческими памятниками и культовыми объектами, открытыми Б.А. Фоломеевым, С.И. Андреевым, А.М. Обломским и другими исследователями в ходе разведок и раскопок в верховьях р. Воронеж (рис. 1). В 2011 г. на основе обнаруженных материалов Обломским была выделена верхневоронежская группа памятников раннего Средневековья, датируемая концом V–VII вв. Помимо этого внутри указанной группы были выделены две культурные традиции: древности, показывающие связь с пеньковской культурой и, предположительно, памятниками типа Чертовичского-Замятино, были объединены в культурную линию Ярок, а памятники колочинской традиции – в линию Кривец (Обломский, 2012. С. 198).

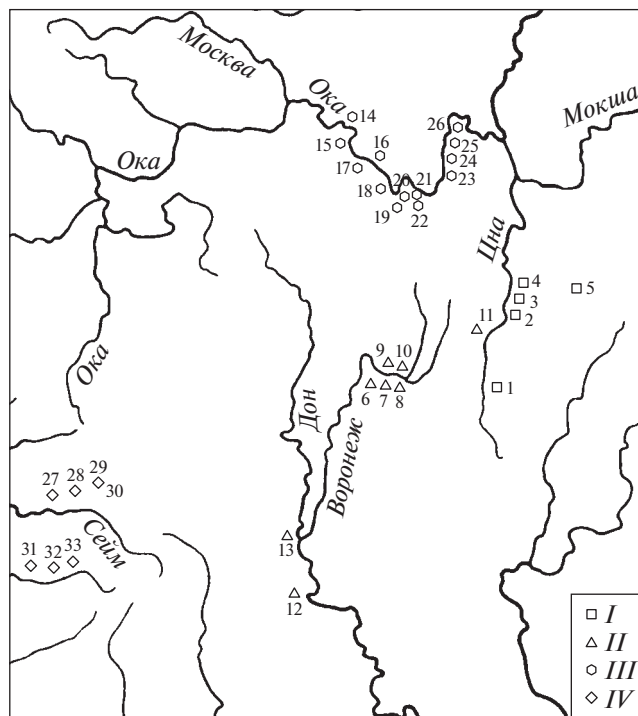

Рис. 1. Памятники начального этапа раннего Средневековья Окско-Донской равнины. I – среднецнинские могильники середины VII – середины VIII вв. (по О.В. Зеленцовой): 1 – Лядинский; 2 – Крюково-Кужновский; 3 – Елизавет-Михайловский; 4 – Пановский; 5 – Серповский. II – памятники верхневоронежской культурной группы и находки вещей I-й группы днепровских раннесредневековых кладов (по А.М. Обломскому): 6 – Ярлуково; 7 – Кривец; 8 – Красный Городок-2; 9 – Ярок-5; 10 – Стаево-4, 5, 5А; 11 – Коровий Брод; 12 – Острогосж; 13 – Воронеж. III – рязано-окские могильники с комплексами V – VII вв. (по И.Р. Ахмедову): 14 – Кузьминский; 15 – Борковский; 16 – Дубровичский; 17 – Кораблинский; 18 – Гавердовский; 19 – Заречье-4; 20 – Никитинский; 21 – Шатришенский; 22 – Борок-2; 23 – Кулаковский; 24 – Ундрих; 25 – Тереховский; 26 – Курманский. IV – памятники колочинской культуры (по А.М. Обломскому): 27 – Авдеево; 28 – Воробьевка-2; 29 – Каменево-2; 30 – Лебяжье-1; 31 – Гочево-3; 32 – Шмырево-2; 33 – Картамышево-1, 2, 3.

Fig. 1. Sites of the initial stage of the early Middle Ages in the Oka-Don Plain. I – the Middle Tsna burial grounds of the middle 7th – middle 8th century AD (according to O.V. Zelentsova): 1 – Lyadinsky; 2 – Kryukovo-Kuzhnoy; 3 – Elizabeth-Mikhailovsky; 4 – Panovsky; 5 – Serpovsky. II – sites of the Upper Voronezh cultural group and finds of group 1 things of the Dnieper early medieval hoards (after A.M. Oblomsky): 6 – Yarlukovo; 7 – Krivets; 8 – Krasny Gorodok-2; 9 – Yarak-5; 10 – Stayevo-4, 5, 5A; 11 – Korovy Brod; 12 – Ostrogoshsk; 13 – Voronezh. III – the Ryazan-Oka burial grounds with complexes of the 5th–7th centuries (according to I.R. Akhmedov): 14 – Kuzminsky; 15 – Borkovsky; 16 – Dubrovichsky; 17 – Korablinsky; 18 – Gaverdovsky; 19 – Zarechye-4; 20 – Nikitinsky; 21 – Shatrishchensky; 22 – Borok-2; 23 – Kulakovsky; 24 – Undrikh; 25 – Terekhovskiy; 26 – Kurmansky. IV – the Kolochin culture sites (after A.M. Oblomsky): 27 – Avdeev; 28 – Vorobyovka-2; 29 – Kamenevo-2; 30 – Lebyazhye-1; 31 – Gochevo-3; 32 – Shmyrevo-2; 33 – Kartamyshvevo-1, 2, 3.

С культурной линией Ярок в настоящее время связываются следующие памятники: Ярок-5, Ярок-9, Стаево-4, Стаево-5, Красный Городок-4, Большая

Кузьминка-4А, представляющие собой неукрепленные селища. Время появления носителей данной традиции в верхнем течении р. Воронеж оценивается не ранее конца V в. (Обломский, 2012. С. 198; Бирюков, 2016. С. 43–49). Позднее на обозначенной территории появляются памятники типа Кривца, время существования которых, скорее всего, относится к VII в., хронология определена по серии украшений и поясных наборов, о которых речь пойдет далее. К культурной линии Кривца помимо эпонимного поселения Кривец-4 относятся Ярлуково, Новоникольское-8 и Коровий Брод, (Обломский, 2012. С. 193). Исчезновение верхневоронежской группы во второй половине – конце VII в., по мнению Обломского, связано с войнами в обширном ареале Поднепровья, которые повлекли за собой общую смену культур от степной зоны до верховьев Днепра и Западной Двины (Там же. С. 199).

Открытие раннесредневековых памятников в верховьях р. Воронеж (рис. 1), связанных с культурами днепровского круга, могло бы стать подтверждением концепции славянского влияния на формирование обряда кремации у среднеднепровской мордвы. Однако на данный момент не обнаружено ни одного погребения, относящегося к указанной культурной группе. Тем не менее мы можем предполагать тождественность погребальных ритуалов раннесредневекового населения этой территории с практиками, применявшимися в пеньковско-колочинском ареале.

Предположение о возможном влиянии погребального обряда днепровских славян раннего Средневековья на мордовские культурные группы Среднего Почежья основано на том, что одним из компонентов населения, оставившего памятники линии Кривец, относящихся к верхневоронежской культурной группе, были носители колочинской культуры (Обломский, 2012. С. 196). Погребальный обряд колочинской культуры хорошо изучен и описан в ряде обобщающих работ Е.А. Горюнова и А.М. Обломского (Горюнов, 2004. С. 10–17; Обломский, 1996. С. 96–107; 2016. С. 10–113).

Так как в хронологическом и географическом плане среднеднепровским могильником стадии А фазы 1 (по О.В. Зеленцовой) наиболее близки памятники колочинской и рязано-окской культур, то следует привести основные параметры погребений, совершенных по обряду сожжения, в ареале указанных древностей.

Рассмотрим параметры погребений колочинской археологической культуры, совершенных по обряду сожжения.

Для грунтовых могильников колочинской культуры обряд кремации на стороне является единственным. При описании погребального обряда колочинской культуры была использована классификация А.М. Обломского. Глубина могильных ям редко превышает 0.9 м. Как правило, она бывает гораздо меньшей: от 0.2 до 0.5 м. По размерам ямы делятся на два типа. К первому относятся круглые диаметром не более 0.9 м (обычно 0.5–0.7 м) или более редкие овальные такой же длины. Ям первого типа – подавляющее большинство. Во второй включены овальные ямы длиной 1.1–1.35 и шириной 0.8–1.0 м. Они встречаются в виде исключения. Типы погребений выделяются по характеру помещения кальцинированных костей в могилу. К первому относятся урновые захоронения, ко второму – смешанные, к третьему – безурновые. Для безурновых погребений и захоронений смешанного типа характерно наличие угля и золы в заполнении вместе с кальцинированными костями (Обломский, 2016. С. 25–27).

Таким образом, материалы колочинских погребальных памятников продемонстрировали, что ни одна из разновидностей обряда кремации, присущих колочинской культуре, не находит параллелей среди сожжений среднеднепровских могильников стадии А по О.В. Зеленцовой.

Культурно близкое мордовскому населению рязано-окской культуры III–VII вв. (Ахмедов, Белоцерковская, 2007. С. 273) наряду с ингумацией применяло обряд кремации, хотя и в меньшей степени. Одним из наиболее ранних считается трупосожжение Заречье 101, датируемое не позднее IV в. (Белоцерковская, 2005. С. 292). Данный погребальный обряд продолжал присутствовать у населения рязано-окской культуры вплоть до ее финала без значительных изменений. По форме и размерам могилы представляют собой прямоугольные или трапециевидные ямы с антропометрическими параметрами и компактным расположением пережженных костей. Способы помещения в могилу инвентаря варьируются. Характерным является расположение вещей в порядке ношения, реже инвентарь компактно сложен на скоплении пережженных костей. Кроме одиночных известны и парные захоронения с остатками сожжений (Букина, 1998. С. 124–126). Для погребений с кремациями рязано-окской культуры характерны могильные ямы крупных размеров: 0.9–2.6 м в длину и 0.3–1.07 в ширину (Букина, 1998. Табл. 9.1). В большинстве зафиксированных случаев доминирует северо-восточная ориентировка длинной оси могильной ямы, группа захоронений с северо-западной ориентировкой является второй по численности (Букина, 1998. С. 80). Одной из характерных черт погребального обряда являлось помещение в мужские захоронения даров, состоящих из женских вещей (Ахмедов, 2007. С. 147).

Параметры могильных ям
Parameters of grave pits

Параметры (м)	Колочинская культура		Рязано-окская культура	Среднецнинские могильники
	округлые	овальные		
Длина	0.5–0.7 (до 0.9)	1.1–1.35	0.9–3	1.5–3.5
Ширина		0.8–1	0.3–1.07	0.75–1.7
Глубина	0.2–0.5 (до 0.9)		0.2–1.36	0.2–1.42

Многие перечисленные особенности также характерны и для ранних среднецнинских кремаций, кроме северо-восточной ориентировки длинной оси могильной ямы (таблица).

Мы видим, что обряд кремации у носителей рязано-окской культуры и населения, оставившего среднецнинские могильники с сожжениями середины VII – середины VIII в., довольно близок. Данная точка зрения также может быть подтверждена совпадением изменений, произошедших в погребальной обрядовости тешской группы мордвы. У данной мордовской общности ритуал кремации получает распространение благодаря миграции населения из ареала рязано-окской культуры (Ставицкий, 2013. С. 143, 146). По этой причине можно предположить, что со средней Оки указанный обряд в уже сложившейся форме распространился сначала среди населения тешской группы, которое в середине VII в. мигрировало на территорию среднего Поволжья. Это подтверждается тем, что памятники стадии А фазы 1 (по О.В. Зеленцовой) обнаруживают близость погребальной обрядовости и инвентаря с Абрамовским, Волчихинским, Старшим Кужендеевским могильниками именно тешской группы, а армиевские традиции распространяются на средней Цне позднее, уже во время фазы 2 (Зеленцова, 2005. С. 327).

Таким образом, мы можем резюмировать, что обряд кремации был привнесен в мордовскую культурную среду выходцами с территории Средней Оки и уже в сложившейся форме проявился на ранних мордовских могильниках среднего течения р. Цны. Известная милитаризованность общества рязано-окской культуры и исходящая из этого престижность воинского ремесла могли оказать влияние на то, что данный обряд в первую очередь прижился у воинской элиты древнемордовской общности. Также есть некоторые основания полагать, что рязано-окская культура продолжала оказывать влияние на носителей мордовской археологической общности среднего течения Цны. Близкими к шейным украшениям рязано-окской культуры являются гривны из перекрученного дрота с застёжкой–“лодочкой”, обнаруженная в погребении № 16 Серповского могильника, и пластинчатые серповидные гривны с замком в виде двух крючков или небольшого

округлого щитка и крючка из того же могильника, а также гривна с замком в виде круглой “коробочки” из Елизавет-Михайловского могильника (Зеленцова, 2005. С. 322).

Что же касается влияния культур Днепро-донецкого круга, то материалы, указывающие на возможную связь среднецнинского населения середины–второй половины VII в. с носителями данной традиции в лице представителей Верхневоронежской группы представлены рядом находок днепровского облика на указанных погребальных памятниках. При этом геральдические поясные наборы имеют большое значение для определения нижней даты функционирования данной группы могильников, а также играют роль маркера направления контактов.

Из погребения 82 Елизавет-Михайловского могильника происходят объёмные подвески в виде колокольчиков (рис. 2, 1), орнаментированных горизонтальной линией по корпусу. Достаточно близки к ним по форме и орнаментации колоколовидные подвески из Гапоновского, Козиевского и Суджанского кладов, а также некоторые из подвесок, прикрепленных к бронзовой цепи – случайной находки с территории Полтавской губернии (Гавритухин, 1996. Рис. 22, 18, 19; Корзухина, 1996. Табл. 54, 6–9, 11; 70, 14, 15; 78, 3). Важно, что аналогичная находка происходит из сборок с поселения верхневоронежской культурной группы Красный городок-2, которое, в силу отсутствия керамических материалов, только предположительно можно отнести к линии Кривец (Андреев, Филимонова, 2008. С. 23. Рис. 2, 8; Обломский, 2022а. С. 68).

Из этого же погребения Елизавет-Михайловского могильника происходит трехрогая лунница с точечным орнаментом, обрамляющим ее по краю (рис. 2, 2). Данное украшение практически идентично лунницам из Козиевского могила (Родинкова, 2003. Рис. 2, 4, 5.). Несмотря на то что в Поднепровье данный вид украшений не является распространенным и в большей степени представлен в Прибалтике, Прикамье и Посурье, технологически (является пластинчатой, а не литой и орнаментирована ямочками по краю) данная лунница из Елизавет-Михайловки может рассматриваться как тяготеющая к днепровскому региону.

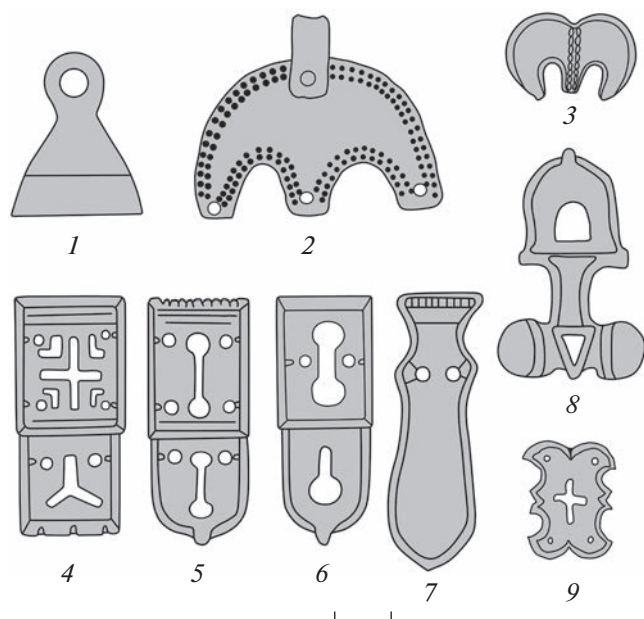

Рис. 2. Предметы 1-й группы днепровских раннесредневековых кладов, происходящие из среднецентинских могильников фазы А стадии 1 (по О.В. Зеленцовой). 1 — колоколовидная подвеска, орнаментированная горизонтальной линией по корпусу; 2 — трехрогая лунница с точечным орнаментом; 3 — з-образная накладка поясная накладка; 4 — прямоугольная ажурная поясная накладка; 5, 6 — двучастные поясные накладки; 7 — наконечник пояса с боковыми выступами; 8 — поясная накладка с раздвоенными концами и боковыми выступами; 9 — Т-образная поясная накладка.

Fig. 2. Items of group 1 of the Dnieper early medieval hoards originating from the Middle Tsna burial grounds of phase A, stage 1 (according to O.V. Zelentsova). 1 — a bell-shaped pendant decorated with a horizontal line along the body; 2 — a three-horned crescentic pendant with a dotted ornament; 3 — a Z-shaped belt mount; 4 — a rectangular openwork belt mount; 5, 6 — bipartite belt mounts; 7 — the tip of the belt with lateral protrusions; 8 — a belt mount with forked ends and lateral protrusions; 9 — a T-shaped belt mount

Из погребения 121 Елизавет-Михайловского могильника происходит з-образная накладка (рис. 2, 3), которая имеет аналогии среди материалов Гапоново, Трубчевска, Гайдар, Козиевки, Градижска и Хацков (Гавритухин, 1996. Рис. 29, 6, 7; Скиба, 2016. Рис. 36, 1—7). Однако, как и в случае с поясным наконечником из того же погребения, на этом изделии имеется орнамент, состоящий из двух линий ямочек в центральной части изделия, что говорит о влиянии местной традиции. Из того же объекта происходит бляшка (рис. 2, 4), имеющая сходство с прямоугольными ажурными поясными накладками Гапоновского, Мартыновского и Трубчевского кладов, а также с находками из Колосово (Приходнюк, Падин, Тихонов. 1996. Рис. 14; Гавритухин, 1996. Рис. 29, 10—15; Скиба, 2016. Рис. 41, 3). Особое значение для нас имеет то, что данная накладка отличается

от перечисленных аналогов деталями на нижнем щитке, отсутствием валика, а также размерами и пропорциями, что указывает на ее изготовление местным мастером по днепровскому образцу и, по мнению И.О. Гавритухина, не позволяет считать данное изделие импортным (1996. С. 24, 25).

Из Пановского (погребение 4) и Елизавет-Михайловского (погребение 121) могильников происходят две цельные двучастные поясные накладки (рис. 2, 5, 6), имеющие параллели с экземплярами из Цепляево Первого и Керчи (Гавритухин, 1996. С. 24). Находки подобных накладок, как можно заметить, присутствуют и за пределами Днепровского Левобережья, но общее стилистическое исполнение и орнаментация данных изделий, безусловно, указывают на связь с Поднепровьем.

Наконечник пояса с боковыми выступами (рис. 2, 7) из погребения 4 Пановского могильника имеет аналогии среди материалов Северного Причерноморья и Кавказа, но параллели наблюдаются и в Среднем Поднепровье среди материалов Трубчевского и Гапоновского кладов (Гавритухин, 1996. С. 32. Рис. 45, 2—5, 22; Скиба, 2016. Рис. 51, 2.). Орнамент, состоящий из двух линий и ряда неглубоких пропилов, создающих неширокое рифление в начале поясного наконечника, является нетипичным как для Кавказа и Северного Причерноморья, так и для Среднего Поднепровья, но имеет аналогии среди материалов из Томниково и Старое Бадиково. Очевидно, подобный способ орнаментации является проявлением местной финно-угорской традиции и также, как в случае с ажурной поясной накладкой из погребения 121 Елизавет-Михайловского могильника (рис. 2, 4), не позволяет говорить об этом изделии как о днепровском. Однако, на мой взгляд, наконечник пояса мог быть изготовлен под влиянием культурных импульсов из днепровского региона. Данная точка зрения подкрепляется выводами И.О. Гавритухина об особенностях вариантов 26 и 36 цельных двучастных накладок круга днепровских раннесредневековых кладов 1-й группы (1996. С. 24, 25).

Т-образная поясная накладка (рис. 2, 8) из захоронения 121 Елизавет-Михайловского могильника относится к типу (Е) 1А (по А.В. Скибе) и находит множество параллелей среди материалов пеньковско-колочинских древностей Поднепровья. Аналогии ей присутствуют в Лебяжьем, Лихачевке, Мокве и Хацках (Скиба, 2016. Рис. 47, 1—4).

Хотя поясная накладка с раздвоенными концами и боковыми выступами (тип (А) 1—9 вар. 2 по А.В. Скибе) из могильника у с. Серпово (рис. 2, 9) имеет больше параллелей среди материалов Крыма и Северного Кавказа, из могильника колочинской культуры Лебяжье в Днепровском Левобережье также происходит аналогич-

ная ей деталь поясной гарнитуры (Скиба, 2016. С. 17, 42. Рис. 37, 10).

Следует заметить, что все перечисленные материалы были обнаружены исключительно в ингумациях, что еще раз показывает отсутствие связи между обрядом кремации среднецнинских могильников и теми вещами, которые могут быть интерпретированы как появившиеся в результате контактов с населением культурной линии Кривца Верхневоронежской группы.

В контексте гипотезы А.М. Обломского о существовании в раннем Средневековье окско-причерноморского торгового пути, промежуточным пунктом которого являлся поселок у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (Обломский, 2022б. С. 126), находка в погребении № 16 Серповского могильника 12 византийских монет, отчеканенных в период 638–641 и 668–695 гг., (Алихова, 1959. С. 129) уже не кажется чем-то неординарным. Идея, что население верхневоронежской группы могло иметь доступ к византийскому золоту, отчасти подтверждается найденной в Стаево-5 гирькой-экзагием, маркированной буквой N и предназначенной для взвешивания золотых византийских монет (Обломский, Швырев, 2018. С. 307, 308). По мнению А.Е. Алиховой, они могли быть захвачены в результате дальнего похода, однако с учетом новых данных мы можем предполагать и другое, вероятно, более мирное, происхождение этих монет — в результате торговых сношений с населением верхневоронежской группы.

Скорее всего, в том же контексте стоит рассматривать и находки подвесок-медальонов округлой формы, изготовленных из свинцово-оловянистого сплава, которые происходят из культурного слоя Давыдовского городища, находящегося в Моршанском районе Тамбовской области, и датируются VII–нач. XI в. Они представляют собой предметы христианского культа, и их византийское происхождение не вызывает сомнений (Андреев, 2012. С. 261, 262. Рис. 1).

В свою очередь на поселениях Верхневоронежской группы есть ряд неоднозначных находок, которые можно связать как с рязано-окским, так и мордовским культурными элементами. К таковым относятся следующие ювелирные изделия: часть бронзового украшения с бутыльчатыми подвесками, сегментовидная бронзовая подвеска с треугольным в сечении ушком, коробчатая (или звездчатая) подвеска, бутыльчатая подвеска (Сыщиков, 2019. С. 140–142. Рис. 3, 1–4). Кольцо с рифленой поверхностью из материалов поселения Кривец-4 (Обломский, 2012. Рис. 22, 7) не имеет точных аналогов, но, возможно, оно является своеобразной интерпретацией спиральных бронзовых колец из проволоки треугольного сечения, встречающихся среди инвентаря

как рязано-окских (Шитов, 1988. С. 28), так и древнемордовских погребальных памятников (Алихова, 1969. С. 10; Петербургский, 1987. С. 54). Также одна категория сосудов, которая для среднецнинских могильников представлена группой I, по В.В. Гришакову (1990. С. 32, 33. Табл. I, 6), а по классификации А.М. Обломского, относится к типу ребристых горшков II,3 торгово-ремесленного комплекса у с. Стаево (Обломский, Сыщиков, 2022. С. 81. Рис. 3, 17) может быть отнесена к элементам, которые следует рассматривать как вероятное проявление наличия контактов обозначенных культурных групп. Проблема, касающаяся керамического комплекса, требует отдельного рассмотрения и в данной работе обозначена в качестве перспективной.

Учитывая все перечисленные выше факты, можно сделать вывод, что население, оставившее памятники Верхневоронежской культурной группы, скорее всего, имело контакты с носителями древнемордовской культуры, пришедшими на Среднюю Цну в середине VII в. Финал Верхневоронежских памятников совпадает с начальной фазой функционирования Серповского, Елизавет-Михайловского и Пановского могильников. Данные связи оставили след в вещевом наборе, но не коснулись представлений о загробном мире и не отразились на погребальном обряде. Обряд трупосожжения был привнесен носителями рязано-окской культуры, родственной мордовской, в уже сложившемся виде.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00110.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алихова А.Е. Серповский могильник // Археологический сборник. Т. II. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1959. С. 117–137.
- Андреев С.И. Находки средневековой христианской металлопластики на Тамбовщине // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины: археолог. сб. Вып. 3 / Отв. ред. С.И. Андреев. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2012. С. 260–269.
- Андреев С.И., Филимонова Н.В. Раннеславянские культуры в Тамбовской области // Верхнее Подонье: Археология. История: сб. ст. Вып. 3 / Ред. А.Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”, 2008. С. 18–24.
- Археологический сборник. Т. III. Материальная культура средне-цнинской мордвы VIII–XI вв. (по материалам раскопок П.П. Иванова за 1927–1928 годы) / Науч. обработка и введ. А.Е. Алиховой. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1969. 176 с.
- Ахмедов И.Р. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; вып. 9). С. 137–185.

- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. К реконструкции исторических процессов // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; вып. 9). С. 273–275.
- Белоцерковская И.В. Уникальный сосуд из рязано-окского могильника Заречье // II Городцовские чтения: материалы науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в Гос. ист. музее (апрель 2003 г.). М.: Гос. ист. музей, 2005 (Труды Гос. ист. музея; вып. 145). С. 283–293.
- Бирюков И.Е. Раскопки поселения Красный городок-4 на р. Польной Воронеж (предварительная информация) // Тамбовская старина. Вып. 5 / Сост., ред. Ю.М. Галкина. Тамбов: Пролетарский светоч, 2016. С. 43–49.
- Букина О.В. Погребения с остатками трупосожжений в могильниках поволжских финнов в IV–XI вв. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1998. 266 с.
- Букина О.В. Обычай кремации в среде населения, оставившего среднецинские могильники // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.: Гос. ист. музей, 2000 (Труды Гос. ист. музея; вып. 122). С. 116–127.
- Воронина Р.Ф. О некоторых чертах верований среднецинской мордвы VIII–XI вв. // Советская археология. 1975. № 1. С. 281–286.
- Гавритухин И.О. Цельные двучастные накладки // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; вып. 3). С. 24–25.
- Горюнов Е.А. Могильники колочинской культуры // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье: докл. науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.) / Ред. В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 10–17.
- Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 280 с.
- Гришаков В.В. Керамика среднецинской мордвы // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1990 (Труды / Науч.-исслед. ин-т языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР; вып. 99). С. 32–46.
- Зеленцова О.В. Хронология и периодизация Среднецинских могильников древней мордвы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 18 с.
- Зеленцова О.В. Ранний горизонт погребений среднецинских могильников (вопросы хронологии) // II Городцовские чтения: материалы науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в Гос. ист. музее. М.: Гос. ист. музей, 2005 (Труды Гос. ист. музея; вып. 145). С. 320–327.
- Иванов П.П. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Дневник раскопок Крюково-Кужновского могильника. Моршанск, 1952. 232 с.
- Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга “древностей антов” в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V. Симферополь, 1996. С. 352–435.
- Обломский А.М. Колочинская культура // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; вып. 3). С. 96–107.
- Обломский А.М. О раннесредневековых славянских древностях в бассейне Дона // Stratum plus. 2011. № 5. С. 51–60.
- Обломский А.М. Раннесредневековые памятники Верхнего Подонья. Предварительные итоги исследования // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины. Вып. 3 / Отв. ред. С.И. Андреев. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2012. С. 172–229.
- Обломский А.М. Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; вып. 17). С. 10–113.
- Обломский А.М. Памятники раннего Средневековья в среднем и верхнем течении р. Воронеж // Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V – VII в.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья: коллективная монография / Отв. ред. А.М. Обломский. М.; СПб.: Нестор-История, 2022а. С. 61–75.
- Обломский А.М. Торговый путь из Причерноморья в Поочье в конце IV–VII в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXVII. Симферополь, 2022б. С. 113–138.
- Обломский А.М., Сыщиков Н.В. Лепная керамика комплекса у с. Стаево на фоне этнокультурных традиций верхневоронежской группы // Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V – VII в.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья: коллективная монография / Отв. ред. А.М. Обломский. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 76–84.
- Обломский А.М., Швырев А.Д. Византийская гирька для взвешивания монеты, найденная в верховьях р. Воронеж // Краткие сообщения Института археологии. 2018. Вып. 250. С. 307–326.
- Петербургский И.М. Второй Старобадиковский могильник // Вопросы древней истории мордовского народа / Ред. М.Ф. Жиганов, И.М. Петербургский, В.Н. Шитов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1987. С. 50–78.
- Приходнюк О.М., Падин В.А., Тихонов Н.Г. Трубчевский клад антского времени // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии / Отв. ред. О.М. Приходнюк. Киев: Наукова думка, 1996. С. 79–101.

- Родинкова В.Е. Подвески-лунницы Козиевского клада (к постановке проблемы раннесредневековых лунниц) // Краткие сообщения Института археологии. 2003. Вып. 215. С. 6–19.
- Скиба А.В. Поясні набори слов'ян: геральдичний стиль. Київ: Інститут археології Національної академії наук України, 2016. 236 с.
- Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. М.: Изд-во АН СССР, 1952 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 28). 276 с.
- Ставицкий В.В. Погребальный обряд тешской группы мордовских могильников III–VII вв. // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 143–150.
- Сыщиков Н.В. Финно-угорский культурный компонент на раннесредневековых памятниках в верховьях р. Воронеж // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 1 (49). С. 135–150.
- Третьяков П.Н. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н.э. // Советская археология. 1957. № 2. С. 64–77.
- Циркин А.В. Материальная культура и быт народов Среднего Поволжья в I тыс. н.э. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1987. 298 с.
- Штов В.Н. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии / Ред. М.Ф. Жиганов, И.М. Петербургский, В.Н. Штов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1988. С. 23–70.

THE PROBLEM OF CONTACTS BETWEEN THE ANCIENT MORDVINIAN POPULATION OF THE MIDDLE TSNA REGION AND THE UPPER VORONEZH CULTURAL GROUP

Nikolay V. Syshchikov^{a, #}

^a*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

[#]*E-mail: radhorst@mail.ru*

The issue of contacts between the ancient Mordvins and the early Slavs has become relevant again after finding a group of early medieval sites in the upper reaches of the Voronezh River that are associated with the Dnieper cultural circle. The paper aims to prove contacts between the ancient Mordvins, who left burial sites with cremations in the middle Tsna region (mid-second half of the 7th century AD), and the population of the Upper Voronezh cultural group of the early Middle Ages. To meet the aims the following tasks were set: to consider the origin of the rite of burning the burial grounds in the middle Tsna region during the mid-second half of the 7th century AD; to determine which of the neighbouring archaeological cultures it shows the greatest similarity with; to analyze the clothing complex of the Middle Tsna burial grounds of the specified period with the view to identify the presence of decorations of the Dnieper cultural circle. The research included a comparative analysis of the body cremation rite of the middle Tsna region burial grounds of phase A stage 1 (according to O.V. Zelentsova) with synchronous antiquities of neighbouring regions. As a result, its similarity to the cremations of the Ryazan-Oka culture was established and the assumption of its Slavic origin was rejected. At the same time, the correlation of jewellery originating from some of the earliest burials at cemeteries in the middle Tsna region with materials from the Dnieper cultural circle made it possible to assume the presence of contacts between the indicated communities and suggest a hypothesis that the Upper Voronezh region could be the territory from which objects of the Dnieper appearance, as well as Byzantine imports, came to the Middle Tsna.

Keywords: the Early Middle Ages, the Upper Voronezh cultural group, the Kolochin culture, the Ryazan-Oka culture, Middle Tsna burial grounds, cremation.

REFERENCES

- Akhmedov I.R., 2007. Grave goods of male burials. *Vostochnaya Evropa v sereдинe I tys. n.e. [Eastern Europe in the middle of the 1st millennium AD]*. I.O. Gavritukhin, A.M. Oblomskiy, eds. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 137–185. (Ranneslavyanskiy mir. Arkheologiya slavyan i ikh sosedei, 9). (In Russ.)
- Akhmedov I.R., Belotserkovskaya I.V., 2007. On the reconstruction of historical processes. *Vostochnaya Evropa v sereдинe I tys. n.e. [Eastern Europe in the middle of the 1st millennium AD]*. I.O. Gavritukhin, A.M. Oblomskiy, eds. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 273–275. (Ranneslavyanskiy mir. Arkheologiya slavyan i ikh sosedei, 9). (In Russ.)
- Alikhova A.E., 1959. The Serpovoye burial ground. *Arkheologicheskiy sbornik [Archaeological collection of papers]*, II. *Iz drevney i srednevekovoy istorii mordovskogo naroda [From the ancient and medieval history of the Mordvinian people]*. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 117–137. (In Russ.)
- Andreev S.I., 2012. Finds of medieval Christian metalwork in Tambov land. *Tambovskie drevnosti. Arkheologiya Oksko-Donskoy ravнины: arkheologicheskiy sbornik [Tambov antiquities. Archaeology of the Oka-Don Plain: an archaeological collection of papers]*, 3. S.I. Andreev, ed. Tambov: Tambovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 117–137. (In Russ.)

- bov: Tambovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 260–269. (In Russ.)
- Andreev S.I., Filimonova N.V., 2008. Early Slavic cultures in Tambov Region. *Verkhnee Podon'e: Arkheologiya. Istoriya: sbornik statey [The Upper Don region: Archaeology. History: Collected articles]*, 3. A.N. Naumov, ed. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik "Kulikovo pole", pp. 18–24. (In Russ.)
- Arkheologicheskiy sbornik [Archaeological collection of papers], III. Material'naya kul'tura sredne-tsninskoy mordvy VIII–XI vv. (po materialam raskopok P.P. Ivanova za 1927–1928 gody) [Material culture of the Middle Tsna Mordvins of the 8th–11th centuries AD (based on materials from excavations by P.P. Ivanov in 1927–1928)]. A.E. Alikhova, ed. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969. 176 p.
- Belotserkovskaya I.V., 2005. A unique vessel from the Ryazan-Oka burial ground of Zarechye. *II Gorodtsovskie chteniya: materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu deyatel'nosti V.A. Gorodtsova v Gosudarstvennom istoricheskom muzee (aprel' 2003 g.) [II Gorodtsov readings: Proceedings of the Scientific conference to the 100th anniversary of V.A. Gorodtsov in the State Historical Museum (April 2003)]*. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 283–293. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 145). (In Russ.)
- Biryukov I.E., 2016. Excavations of the settlement Krasny Gorodok-4 on the Polnoy Voronezh river (preliminary report). *Tambovskaya starina [Old times of Tambov]*, 5. Yu.M. Galkina, ed., comp. Tambov: Proletarskiy svetoch, pp. 43–49. (In Russ.)
- Bukina O.V., 1998. Pogrebeniya s ostatkami truposozhzheniy v mogil'nikakh povolzhskikh finnov v IV–XI vv. n.e.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Graves with cremated remains in the burial grounds of the Volga Finns in the 4th–11th centuries AD: a thesis for the Doctoral degree in History]. Samara. 266 p.
- Bukina O.V., 2000. The custom of cremation among the population who left the Middle Tsna burial grounds. *Nauchnoe nasledie A.P. Smirnova i sovremennyye problemy arkheologii Volgo-Kam'ya [A.P. Smirnov's scientific heritage and modern problems of archaeology of the Volga-Kama region]*. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 116–127. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 122). (In Russ.)
- Gavritukhin I.O., 1996. Solid bipartite mounts. *Gavritukhin I.O., Oblomskiy A.M. Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst [The Gaponovo hoard and its cultural and historical context]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 24–25. (Ranneslavyanskiy mir. Arkheologiya slavyan i ikh sosedei, 3). (In Russ.)
- Goryunov E.A., 2004. Burial grounds of the Kolochin culture. *Kul'turnye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'e: doklady nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 60-letiyu so dnya rozhdeniya E.A. Goryunova (2000 g.) [Cultural transformations and mutual influences in the Dnieper region at the end of the Roman period and in the early Middle Ages: Reports of the Scientific conference to the 60th anniversary of E.A. Goryunov (2000)]*. V.M. Goryunova, O.A. Shcheglova, eds. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, pp. 10–17. (In Russ.)
- Got'e Yu.V., 1930. *Zheleznyy vek v Vostochnoy Evrope [The Iron Age in Eastern Europe]*. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 280 p.
- Grishakov V.V., 1990. Pottery of the Middle Tsna Mordvins. *Srednevekovye pamyatniki Oksko-Surskogo mezhdurech'ya [Medieval sites of the Oka-Sura interfluvium]*. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 32–46. (Trudy Nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury, istorii i ekonomiki pri Sovete Ministrov Mordovskoy ASSR, 99). (In Russ.)
- Ivanov P.P., 1952. Materialy po istorii mordvy VIII–XI vv. *Dnevnik raskopok Kryukovo-Kuzhnovskogo mogil'nika [Materials for the history of the Mordvins of the 8th–11th centuries. Logbook of the excavations at the Kryukovo-Kuzhnoye burial ground]*. Morshansk. 232 p.
- Korzukhina G.F., 1996. Hoards and chance finds of items from the circle of "antiquities of the Antes" in the Middle Dnieper. Catalog of sites. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Taurica]*, V. Simferopol', pp. 352–435. (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., 1996. The Kolochin culture. *Gavritukhin I.O., Oblomskiy A.M. Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst [The Gaponovo hoard and its cultural and historical context]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 96–107. (Ranneslavyanskiy mir. Arkheologiya slavyan i ikh sosedei, 3). (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., 2011. About the early medieval Slavic antiquities in the Don River region. *Stratum plus*, 5, pp. 51–60. (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., 2012. Early medieval sites of the Upper Don region. Preliminary results of the study. *Tambovskie drevnosti. Arkheologiya Oksko-Donskoy ravniny [Tambov antiquities. Archaeology of the Oka-Don Plain]*, 3. S.I. Andreev, ed. Tambov: Izdatel'stvo Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 172–229. (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., 2016. The Kolochin culture. *Rannesrednevekovye drevnosti lesnoy zony Vostochnoy Evropy (V–VII vv.) [Early medieval antiquities of the forest zone of Eastern Europe (5th–7th centuries)]*. A.M. Oblomskiy, I.V. Islanova, eds. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 10–113. (Ranneslavyanskiy mir. Arkheologiya slavyan i ikh sosedei, 17). (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., 2022a. Sites of the early Middle Ages in the middle and upper reaches of the Voronezh River. *Torgovo-remeslennyy kompleks u s. Staevo v verkhov'yakh r. Voronezh (konets V – VII v.) i nekotorye problemy arkheologii Verkhnego Podon'ya epokhi rannego Srednevekov'ya: kollektivnaya monografiya [Trade and craft complex at the village of Staevo in the upper reaches of the Voronezh River (the late 5th – 7th century) and some issues of the archaeology of the Upper Don region in the early Middle Ages: Joint monograph]*. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 61–75. (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., 2022b. Trade route from the Pontic region to the Oka River region in the late 4th–7th century. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Taurica]*, XXVII. Simferopol', pp. 113–138. (In Russ.)

- Oblomskiy A.M., Shvyrev A.D., 2018. A Byzantine coin weight found in the upper reaches of the Voronezh River. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 250, pp. 307–326. (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., Syshchikov N.V., 2022. Handmade ceramics from the complex at the village of Stayevo against the background of the ethno-cultural traditions of the Upper Voronezh group. *Torgovo-remeslennyy kompleks u s. Staevo v verkhov'yakh r. Voronezh (konets V – VII v.) i nekotorye problemy arkheologii Verkhnego Podon'ya epokhi rannego Srednevekov'ya: kollektivnaya monografiya [Trade and craft complex at the village of Stayevo in the upper reaches of the Voronezh River (the late 5th – 7th century) and some issues of the archaeology of the Upper Don region in the early Middle Ages: Joint monograph]*. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 76–84. (In Russ.)
- Peterburgskiy I.M., 1987. The Staroye Badikovo 2 burial ground. *Voprosy drevney istorii mordovskogo naroda [Issues of the early history of the Mordvinian people]*. M.F. Zhiganov, I.M. Peterburgskiy, V.N. Shitov, eds. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 50–78. (In Russ.)
- Prikhodnyuk O.M., Padin V.A., Tikhonov N.G., 1996. The Trubchevsk hoard of the Ants period. *Materialy I tys. n.e. po arkheologii i istorii Ukrainy i Vengrii [Materials of the 1st millennium AD on archaeology and history of Ukraine and Hungary]*. O.M. Prikhodnyuk, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 79–101. (In Russ.)
- Rodinkova V.E., 2003. The crescentic pendants from the Kozievka hoard (on the problem of early medieval crescentic pendants). *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 215, pp. 6–19. (In Russ.)
- Shitov V.N., 1988. The Stary Kadom burial ground. *Materialy po arkheologii Mordovii [Materials on the archaeology of Mordovia]*. M.F. Zhiganov, I.M. Peterburgskiy, V.N. Shitov, eds. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 23–70. (In Russ.)
- Skiba A.V., 2016. Poyasni nabori slov'yan: geraldicheskii stil' [Belts sets of the Slavs: heraldic style]. Kiiv: Institut arkheologii Natsional'noi akademii nauk Ukraini. 236 p.
- Smirnov A.P., 1952. Ocherki drevney i srednevekovoy istorii narodov srednego Povolzh'ya i Prikam'ya [Studies in the ancient and medieval history of the peoples of the Middle Volga and Kama regions]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 276 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 28).
- Stavitskiy V.V., 2013. Funeral rite of the Tesha group of Mordvinian burial grounds of the 3rd–7th centuries. *Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River region archaeology]*, 2 (4), pp. 143–150. (In Russ.)
- Syshchikov N.V., 2019. Finno-Ugric cultural component at the early medieval sites in the upper reaches of the Voronezh River. *Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya [Bulletin of the Research Institute for the Humanities at the Government of the Republic of Mordovia]*, 1 (49), pp. 135–150. (In Russ.)
- Tret'yakov P.N., 1957. To the ethnic composition of the population of the Volga-Oka interfluvium in the 1st millennium AD. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 2, pp. 64–77. (In Russ.)
- Tsirkin A.B., 1987. Material'naya kul'tura i byt narodov Srednego Povolzh'ya v I tys. n.e. [Material culture and everyday life of the Middle Volga peoples in the 1st millennium AD]. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta. 298 p.
- Voronina R.F., 1975. Some features of the beliefs of the Middle Tsna Mordvins in the 8th–11th centuries. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 1, pp. 281–286. (In Russ.)
- Zelentsova O.V., 1998. Khronologiya i periodizatsiya Srednetsninskikh mogil'nikov drevney mordvy: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Chronology and periodization of the Middle Tsna burial grounds of the early Mordvins: the author's abstract of a thesis for the Doctoral degree in History]. Moscow. 18 p.
- Zelentsova O.V., 2005. Early burial horizon of the Middle Tsna burial grounds (problems of chronology). *II Gorodtsovskie chteniya: materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu deyatel'nosti V.A. Gorodtsova v Gosudarstvennom istoricheskom muzee [II Gorodtsov readings: Proceedings of the Scientific conference to the 100th anniversary of V.A. Gorodtsov in the State Historical Museum (April 2003)]*. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskii muzey, pp. 320–327. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 145). (In Russ.)